

М И Л Е Н А
М А К А Р О В А

Новая мифология

Милена Викторовна Макарова

Новая мифология

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64003441

*Новая мифология:
ISBN 978-5-00165-187-1*

Аннотация

Новая книга Милены Макаровой – одного из самых ярких представителей современной рижской школы русской поэзии – включает в себя как тексты из первого поэтического сборника «Амальгама», так и стихи последнего десятилетия.

Отточенность поэтического слога, восхитительная энергия и лаконизм, изысканность и красота фонетического рисунка, музыкальность стиха, сложность и выразительность поэтических образов – все это характеризует творческую манеру автора.

Осознавая свой стиль как синтез лучших традиций русского Серебряного века и непрерывного эксперимента с возможностями современного вербального поля, поэт обретает собственную, неповторимую интонацию. Поэт говорит о сакральности поэзии, о стихах как о таинстве, откровении, утонченной магической практике, о каких-то «вещах без названия», благодаря которым поэзия бессмертна.

Стихи созданные на границе двух тысячелетий – эта попытка создать собственную новую мифологию, то, в чем среди хаоса и

энтропии окружающего мира, возможно, более всего нуждается современный человек.

Содержание

Бесстрашие	7
Новая мифология	19
«Качается маятник – альфа-омега...»	20
«Золото дней моих плывет в финикийской биреме...»	21
Из сборника «Амальгама»	22
«Так алмазы живут в кимберлитовой мгле...»	23
««Пламенеющей готики» имя...»	23
«Как перламутровая кожа лука...»	24
«Демонический ветер разносит живое в клочки...»	25
«Твое имя похоже на дом...»	25
«Прожилки мрамора в оцепеневшем дне...»	26
«И снова он пополнил галерею...»	27
Тарантелла	27
«Цветет подсолнух и рука горит...»	28
«Как мало осталось... Усталость кристаллов...»	29
«Вера, Надежда, Любовь и мать их – София...»	30
«Бренного тела бронза и бремя...»	31

«На «Титанике» бьется фарфор, а сеанс спиритизма...»	31
«Ожиданье грозы переходит в желание счастья...»	32
«Не платоническая платина...»	32
«Стихотворение круга...»	33
«Как бархат на ступнях ферзей...»	34
«В старых домах запечатлен...»	35
Stella maris	37
Рига	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Милена Викторовна Макарова Новая мифология

© М. В. Макарова, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Бесстрашие

О поэзии Милены Макаровой

Первая книга Милены Макаровой – «Амальгама» – была издана в Риге в 1997 году. За годы, прошедшие с этого времени, ее поэзия не переставала жить ни на один день, ее стихи появлялись в самых разных изданиях, в разных городах и странах. В новой книге поэта есть стихи из ее первого сборника, но, конечно, большинство стихов, а также проза поэта – новые, написанные за последние годы. И здесь мы найдем ее поэзию с той же оригинальной, ни на кого не похожей интонацией, но, при этом, все же изменившейся. Это естественно, ведь за эти годы ее поэзия менялась, выходила на новые духовные горизонты, рождались новые слова. Что же именно изменилось?

В моем отзыве на сборник «Амальгама» говорилось, что поэт проходит по райскому саду – миру, созданному ею самой. Да, так и было, но сейчас я хотел бы назвать иную, главную черту поэзии Милены Макаровой, которая, конечно, была и раньше, но с того времени обозначилась особенно четко, стала главной в ее стихах. Это – **бесстрашие**.

О бесстрашии поэта я уже упоминал в своем давнем отзыве. Тогда это касалось скорее филологии: автор не боится сопоставлять, казалось бы, несовместимые эпитеты, образы,

не боится того, что чревато поэтизмами, чересчур красивыми словами и оборотами, и эта опасность действительно реальна. Но тем не менее у поэта Милены Макаровой все это работает, все ярко и сильно, что делает ее поэзию узнаваемой и оригинальной. И такое бесстрашие присутствует в стихах автора и сейчас. Смотрите сами:

Часы идут. Часы стучат «тик-так»,
Озвучивая комнатный хай-тек.
И время останавливает шаг,
И время останавливает бег.

И прошлого, конечно, не вернуть.
Но вот зеркальной вечности глоток,
И вновь мгновения скользят, как ртуть,
Или сквозь кровь проходят, словно ток.

Автора не смущает ни «комнатный хай-тек», ни «зеркальной вечности глоток», а главное – это не смущает и читателя, поскольку здесь все на месте, все работает, и сочетания слов пусть необычны, но точны.

Или это:

Вечер перестает быть «томным»,
Он становится двухтомным, трехтомным,
Многотомным, как «Эфрон и Брокгауз»...
Полон слов и ослепительных пауз.

Да, тут не только паузы, но и слова ослепительны и неожиданны, и бесстрашие поэта здесь во всей красе.

Или это:

Споткнуться о тень, поцеловать привиденье,
Фантом приглубить, о призрак щекой потереться...
Но ангел-хранитель, похоже, теряет терпенье —
Когда же закончится это бесстрашное детство?

Тут яркость и необычность поэтических образов сохранились, но вот детство, кажется, действительно кончилось. Хотя бесстрашие не только осталось, но еще и возмужало. Поскольку теперь это бесстрашие – не только в необычном и даже вызывающем сочетании слов. Скажем прямо: нынешние стихи Милены Макаровой – это уже не прогулки в райском саду собственного воображения. Рай кончился, но не кончилась поэзия – она стала еще сильнее, красочней, и я бы сказал, даже откровенней и более жесткой, отражая и преобразая наш далеко не райский мир.

И вот этот преображенный мир, мир прошлого и настоящего, бывшего и небывшего, а может быть, и будущего, мир забвения и памяти, – все это существует одновременно, и в реальности, и в поэтическом преображении автора.

Когда-нибудь я все позабуду, но пока еще помню —
Голубей варшавского вокзала,
Полдень на Иерусалимской аллее,

«Дзенькуэ бардзо» и «откуда вы, пани?»
Светящуюся ночную дорогу,
И солнечный свет Леополиса...

Перед нами Львов, он же Лемберг, он же Леополис – город, где поэт не чувствует себя чужим, где есть его корни – и родовые, и культурные. Но этим дело не ограничивается: не только история, но и вечность здесь присутствует:

Никогда не умела, Господь,
Читать Твои Знаки.
Но все же... я помню, помню,
Помню, что я бессмертна.

Какова заявка – на бессмертие! Да, это действительно бесстрашие. Потому что мы на самом деле не знаем – что есть бессмертие, жизнь вечная. Но ощутить это бессмертие мы можем, хотя бы иногда.

Вот этого раньше не было в прогулках по райскому саду – памяти и бессмертия. И смерти. Вот как поэт говорит о смерти, и поверьте, такого разговора еще ни у кого не было.

Из цикла «Стихи черного зеркала»

Смерть совсем рядом. Она ходит кругами.
Вышивает крестиком. Делает оригами

Из писем прощальных. На ней – то фата, то траур.
Ей тысячи лет. Она – серьезная фрау!

.....

В руке у нее то стилет, то дивная «аква тофана».
Ей тысячи лет, она одевается странно.
Стоит одиноко в холодном тумане перрона...

Это игра? Возможно, но уж слишком серьезная игра. И черное зеркало здесь не случайно. Зеркало – неременный атрибут мистической игры, которая в стихах Милены Макаровой уже вовсе и не игра. «Только зеркало зеркалу снится, / Тишина тишину сторожит» (Ахматова). «Друг друга отражают зеркала, / Взаимно искажая отраженья...» (Георгий Иванов). Так естественно продолжает и Милена Макарова мистическую игру в зеркала великой русской поэзии. И не случайно зеркало не раз мы еще встретим в стихах поэта, ведь мистика для нее – уже не только литература, это ее мироощущение.

«Каждой твари по паре», – мне говорит Зазеркалье.
Бесконечное «Я» собирает толпу отражений.
И незримый ковчег, что плывет в зазеркальные дали,
Подбирает меня и со мной продолжает движенье.

Это отражение нашего вовсе не райского мира, где есть всё – и бессмертие, и память, и печаль, и смерть, которую можно рассматривать, стоя рядом, и описать ее чуть ли не

запросто, но так, как еще никому не удавалось. И здесь не странно встретить и мастера детективной игры, и написать об этом:

По мотивам Агаты Кристи...

В этом романе каждое слово на вес
Золота... Я закрываю глаза. Вижу маршрут.
Жизнь моя мчится словно «Восточный Экспресс».
Только однажды кого-нибудь в нем убьют...

Я надеваю жемчуг. Я играю в маджонг.
Я выбираю время. Отмериваю цианид.
Не говорить о смерти – все же хороший тон,

.....
Леди Агата, видно, будет довольна мной...

Конечно, мастер детективной интриги будет довольна: ведь такая игра в ее вкусе. Игра с жизнью и смертью? С судьбой?

...Только во что мы играем?
Смерть и любовь были, останется праздник плоти.

Действительно, во что же мы играем? А может, это уже и не игра?

Эта душа словно скользит по канату,
Словно рифмует неловко: Эрос-Танатос,
Словно играет с судьбой в «холоднее-теплее».

Если так играть с судьбой, то тут уместна роковая литературная героиня:

Смотрите, Миледи, но лучше, конечно же, нет,
Как быстро цветок расцветет на плече оголенном...
В розариях кармы горит электрический свет.
Дымится железная лилия. Пахнет паленым.

Хотелось ли Вам, о графиня моя де Ла Фер,
Судьбу развернуть как написанный золотом свиток?

.....
Смотрите, Миледи, написан Ваш автопортрет.
Кто мог бы подумать, что зеркало так кровоточит!..

Да уж, от таких стихов пробирает если не жар, так холод. И кажется, я был неправ, когда решил, что бесстрашие у поэта – только в ее стихах. Нет, пожалуй, она вообще ничего не боится.

Но возвращаясь к роли критика, необходимо заметить, что Милена Макарова – мастер разящей наповал концовки, вроде удара шпагой: «Кто мог бы подумать, что зеркало так кровоточит!..» – повторяю еще раз эту строку о зеркале... и действительно, пахнет паленым. После этого уже ничему не

удивляешься, хотя бы таким строкам:

Жизнь – гиена. Жизнь – степной койот.
Жизнь – большой плюшевый медведь
С янтарными глазами. Детство во мне поет
Так сильно, что я не могу умереть.

Конечно, «детство, ковш душевной глубины...» (Б. Пастернак), где мы бессмертны, хотя бы на время, и «никто никогда не умрет» (В. Набоков). И поскольку мы, кажется, заигрались с жизнью и смертью, то почему бы нам не посмотреть, что может сделать поэт из самых обыденных вещей. Ну что, например, можно сказать о пуговице? Оказывается, очень много и, главное, необычно:

Немного костяного блеска,
Две искорки. Кусочек плюша.
Жизнь Вещи, пестрая, как фреска,
Или шершавая, как груша,
У пуговицы-герцогини.

.....

От важных дел и от «кутюра» —
Неужто, крошка, не устала?..
Две искорки. Клочок велюра.
Или невинный блеск кристалла.

Милена Макарова в своих стихах может, кажется, преобразить всё. И целый ряд рассыпанных как бы случайно слов

выстраиваются в картину, вернее – портрет.

Не слишком богемна, не слишком богиня,
Немного эфира, немного огня...
«Лакуна», «лагуна», «гинея», «княгиня» —
Слова для пасьянса, слова для меня.

Но у поэта портрет, автопортрет может преобразиться и в городской пейзаж, и просто пейзаж, но все это – тоже портрет поэта, мистический, если угодно. Вот хотя бы так:

Море январское, пляж и пустые качели.
В сердце бесснежной зимы, будто в собственной келье,
Миру незримой, в доме у моря стального
Я обитаю. И не дано мне иного.

Или так, со свойственной поэту жесткостью и неожиданностью сопоставлений:

Зима, и ничего кроме зимы,
Той прозы, что бела и нелинейна.
Что оставляет привкус сулемы,
Там, где обещан пряный вкус глинтвейна.

Ну да, не хватало еще чаши с цикуттой вместо глинтвейна, но нас ведь неоднократно предупреждали, что мир поэта чреват мистикой и игрой с жизнью и смертью.

Но все же, если говорить об автопортрете в городском

пейзаже, то раньше и прежде всего это родной город Милены Макаровой – Рига. И вот здесь хотелось бы остановиться на строке, вернее, всего на трех словах, которые, на мой взгляд, как нельзя более точно обозначают суть поэтики Милены Макаровой. Это:

«Пламенеющей готики» имя
На ступенях заката растает...

«Пламенеющая готика» – один из архитектурных стилей, и в Риге ее не так много, как и вообще готики, но вот поэтику Милены Макаровой этот термин характеризует действительно точно. Это сочетание страсти и архитектурной устойчивости, мистики и реальности. Но, конечно, реальный город, Рига, вот она, где не только пламенеющая готика, но и и югендстиль, и детство, и таинственные знаки, и все это – единая картина города.

На темных стеклах парадных
Полустершиеся знаки,
Таинственные обереги?
Руны югендстиля?
Каменные корабли везут бесценный груз...
.....
Мое детство прошло на таком корабле...

Но, конечно, не только Рига, но и другие города для поэта

– отнюдь не повод для путевых зарисовок, а тот же мистический автопортрет, путешествие в мир души и истории. Мы уже говорили о Леополисе, но вот – Англия.

И путешествие в Англию, конечно же, превращается в путешествие не только в Англию, но и в историю, и во времени – а так попасть можно куда угодно. Не забудем, что поэта Милену Макарову отличает подлинное бесстрашие.

Так путешествовать, почти что налегке,
Путь пройденный оглядывать бесстрашно.
Вот роза Йорков белая в руке.
А красная, конечно же, Ланкастер.

.....
Проходит двадцать лет. Проходит двадцать лет.
Шумит листвой священная омела.
И время настает одеться в синий цвет,
Пророчества свои произнеся несмело.

Книга завершается прозаическими картинами других городов. Конечно, и эти картины путешествий можно читать как стихи. Потому что и этот мир, эти миры – не только картины, а часть души поэта.

...может, и не было в этой жизни ничего, кроме
осеннего Рима, рождественского Стокгольма, весенней
Варшавы или озаренной цветением магнолий Праги?
Нескольких маленьких городков Восточной Европы или
пронизанных солнцем полисов Центральной Италии?

Средневековых замков Чехии, прохладных пейзажей Финляндии, сияющей католической Ченстоховы или роскошного, навсегда впечатанного в «параллельное средневековье» Готланда?

Ничего больше? Или это не так уж мало?

Конечно, это немало. Потому что:

Путешествие – другое измерение реальности. Еще одна жизнь. Еще одна возможность сказать этому миру – люблю...

На этом закончим вступление и приступим к чтению. Настоящую поэзию надо читать не торопясь. Особенно такие стихи, основное качество которых – почти неправдоподобная оригинальность.

Владимир Френкель

Новая мифология

*Моим дорогим родителям —
ЛИЛИИ и ВИКТОРУ МАКАРОВЫМ —
посвящается...*

«Качается маятник – альфа-омега...»

Качается маятник – альфа-омега.
Сгорает дневник неизвестного мага.
Но что-то случится до первого снега,
Какое-то зло переплавится в благо.

Внутри алхимических этих жаровен
Возникнет какая-то новая сила.
Пусть губы прошепчут, что час был неровен,
И времени мало, и сил не хватило...

Но маятник, маятник! Альфа-омега.
Пронзительный свет и нездешняя тяга.
И что-то случится до первого снега.
И золотом огненным вспыхнет бумага.

«Золото дней моих плывет в финикийской биреме...»

Золото дней моих плывет в финикийской биреме,
Растворится в «царской водке» или в чьем-то
безмолвии.

Но в сияющей точке, где сойдутся Пространство и Время,
Вспыхнут незримые страсти, будто подземные молнии.

Золото дней моих трачу столь безрассудно,
Что даже страшно самой. Но не дано иного.
Мои соверены, динары, дукаты, эскудо —
Время земное мое — до последнего золотого!

Все драгоценно так, что до последнего часа
Не отрекусь от жизни своей нелепой.
Золото дней моих — это нарциссы Грасса,
Запах лаванды, цвет ледяного неба.

Это — суровый контур гербовых лилий.
Это — Карта Сокровищ на скорую руку.
Это — слова, которые мы позабыли
Перед прощаньем навечно, сказать друг другу.

Из сборника «Амальгама»

«Так алмазы живут в кимберлитовой мгле...»

Так алмазы живут в кимберлитовой мгле,
Или корни деревьев в зернистой земле.
Так и радуга спит, обращенная в снег,
По которому тихо идет человек.

Так и скалы ночуют в объятьях ветров,
А волхвы оставляют один из даров,
Все тому же, кто вышел встречать снегопад
В кимберлитовой мгле, поглотившей закат.

Так и птицы навек улетают с земли.
Так рисует уход несравненный Дали.
Но деревья все пьют из подземных глубин.
И ушедший в закат остается один.

1997

««Пламенеющей готики» имя...»

«Пламенеющей готики» имя
На ступенях заката растает.
Море замок песочный обнимет,

Или книгу перелистает

Это плачущей готики образ,
Пограничная глина и пена.
Золотые песчаные ребра,
Беззащитные темные стены.

1996

«Как перламутровая кожа лука...»

Как перламутровая кожа лука
День горек и красив. По-своему красив.
Уход в себя. У небольшого люка,
Простые ощущения загасив.

Как ритуал. А может, просто близость
С подземной жизнью бархатных корней.
Над теплою землей звучит «К Элизе»,
В прохладных недрах – эхо черных дней.

И зарожденье восходящих линий.
Инерция иль солнечный магнит?
Иль просто Жизнь? Пыльцой иль паутиной
Отмечен Путь. Иль тернием увит.

1992

«Демонический ветер разносит живое в клочки...»

Демонический ветер разносит живое в клочки,
В колыбели качнется кусок бесприютного света.
Нет, Любовь не слепа! У нее – золотые зрачки.
Этим зреньем она спасена и навеки согрета.

Инкунабула чувств. Поклоненья пятнадцатый век.
Что висит на цепях? Да все та же бесценная книга.
Инкунабула чувств, от которых немислим побег.
Как от крови, готовый сгуститься до цвета индиго.

1993

«Твое имя похоже на дом...»

Твое имя похоже на дом
Запредельный. А в доме – камин.
Здесь же рядом – часы подо льдом,
Никогда не измерить глубин.

Твое имя похоже на дым —
Часть дыхания. Свидетель тепла.
Дым с эфиром, иллюзий ряды.

Но касается время стекла...

Так и колокол может звучать,
И подарен уже карильон.
А на музыке – Божья печать
Или отблеск бесценных времен.

1992

«Прожилки мрамора в оцепеневшем дне...»

*«Помилуй, Боже, мраморные души!..»
Николай Гумилев*

Прожилки мрамора в оцепеневшем дне,
В сосуде теплом спит бесценный сгусток,
В сосуде бренном – память об огне,
Углы породы – это слишком грустно.

Разводы холода. Не черный обелиск,
Не скорбный блеск, волнующий живого.
А лишь душа, сорвавшаяся вниз
С горящих склонов собственного Слова.

1995

«И снова он пополнил галерею...»

*«Разлучена с собой и с мыслью светлой,
без коей мы лишь звери или картины...»*

Шекспир

И снова он пополнил галерею,
Где на картинах – ночь перед сожженьем.
И вновь она захлопнула скорее
Ту клетку, где металось отражение.

И вот «оно», в себе объединяя
Два образа мучительной разлуки,
Ключи от бестиария роняя,
Протягивало пепельные руки.

1994

Тарантелла

От тарантула – унынье?
В пляске дергается тело.
То болезнь на латыни
И рождение тарантеллы.

Черная печаль укуса

Проступает на лице и...
Каблуки гремят и бусы,
Танец, словно панацея.

Лихорадочная вера
Как цветок Средневековья.
Амулет движений первых,
Или сотрясенье крови?

Порожденный страхом танец —
То Европа в карантине.
Тихо ползающий глянец
По ажурной паутине...

1995

«Цветет подсолнух и рука горит...»

Цветет подсолнух и рука горит,
Свеча Ван-Гога – классика безумья.
Мятежный воск космических обид,
Морская соль в безмерно ярком трюме.

Ушные раковины, жемчуга, ножи...
И плоть и кровь затронутой стихии.
Имеющий уста, да задрожит,
Представив хоть на миг рубцы сухие!

И в трепете, имеющий глаза,
От глубины подобных сочетаний —
Где раны, там целительный бальзам,
Где рамы, там бессмертное метанье.

Где свет, там полновесные глотки,
Подводного темнеющего бреда.
Где торжество холста – ожог руки,
Нарушившей условия обета.

1996

«Как мало осталось... Усталость кристаллов...»

Как мало осталось... Усталость кристаллов,
Кристалликов, выгнутых в сторону тьмы.
Сидеть у огня, вспоминая весталок,
И все алтари этой долгой зимы.

Февраль – это «februо» – «я очищаю»,
Каминная карма и нищий кармин.
И бездна смиренья, когда укрощают
Строптивую душу спокойным «аминь».

1994

«Вера, Надежда, Любовь и мать их – София...»

Вера, Надежда, Любовь и мать их – София,
Мудрость любви, вера, в которой надежда,
Вера, в которой любовь, ныне и прежде,
Ныне и впредь, на границах враждебной стихии.

Много ли сил для таких алтарей остается?
Неразделенные горести, нищие страсти,
И вдохновенье – ребенок земного сиротства —
Волю свою превращает в подобие власти.

Много ли радости дарится с каждым рассветом
Этому сердцу в хрупкой теплеющей нише?
В мире, прекрасном до боли, дарованном свыше,
Эхо слова обрывает в глубинах ответа.

Вера, Надежда, Любовь и мать их – София,
Горсть византийского ветра, зерно утешенья.
Где-то, ты слышишь, на флейтах играют глухие
И примеряет слепая свои украшения.

«Бренного тела бронза и бремя...»

Бренного тела бронза и бремя,
Так завершается летнее время.

Брошены тени, два зеркала, просинь.
Взгляд из глубин, отражающий осень.

Тяжесть одежды на брошенном теле.
Легкость души, уносимой метелью.

1993

«На «Титанике» бьется фарфор, а сеанс спиритизма...»

На «Титанике» бьется фарфор, а сеанс спиритизма
Завершится, поверьте, довольно скоро.
Преломляется свет в океанской безжалостной призме,
И встречаются души как волны под пенье собора.

На «Титанике» – ночь. Для еще сохранивших святое,
Может, будет любовь на большой бирюзовой постели.
Перед тем как исчезнуть за темной тяжелой плитой
Среди рдеющих звезд и живых до безумья растений.

Разбивается зеркало в самой роскошной каюте.
Отраженья плывут, чтоб расстаться и встретиться снова.
На «Титанике» – ночь, и касаются вечности люди.
Между страхом и жемчугом, к тихим глубинам иного...

1995

«Ожиданье грозы переходит в желание счастья...»

Ожиданье грозы переходит в желание счастья.
Сердцевины деревьев болят в ожиданье ударов.
Птицеловы расставят большие блестящие снасти,
Птеродактили молний – ну чем не прекрасный подарок!

Сердце – камень, конечно же, груда больного базальта.
В этом каменном веке уже ничего не случится.
Если только шаманка с глазами прозрачнее смальты
Не оденется в перья свирепой от древности птицы.

1994

«Не платоническая платина...»

Не платоническая платина,

А лихорадочное золото,
Что с приисков судьбы украдено
Безумцем, умиравшим с голоду.

Светилось в полуночных формах,
Таилось в линиях горячих.
Клондайка суточная норма,
Добытая совсем иначе.

Наперекор судьбе аскета,
Реинкарнации законам,
Сияли слитки и монеты
В соединенье исступленном.

Звенела радостью чеканка,
И на аверсе – имя страсти
Звенело маленькою ранкой,
В крови которой было счастье.

Что бренность или обреченность,
Что обреченность или бренность!
Когда сумела утонченность
Переродиться в неразменность.

1993

«Стихотворение круга...»

«Если мы верны чертежу, головой достанем до

звезд...»

Эмили Дикинсон

Стихотворение круга,
Стихотворение куба,
Танец и блеск «балеринки»,
Ватман, белеющий грубо.

Стихотворенье спирали,
Ибо мораль – возвращенье.
Произведение овала,
Как серебро ощущенья.

Бархат больших готовален —
Спаленка потенциала.
Может, чертеж был реален,
Только не так танцевала.

Жизнь прекрасна в деталях,
Истина пусть не шокирует.
Милая, будьте из стали,
Только с серебряной лирою.

1997

«Как бархат на ступнях ферзей...»

Как бархат на ступнях ферзей
Твой голос, прозвучавший странно.
Я превращаю в Колизей
Свою двухцветную поляну.

Для гладиаторских боев
С небрежным привкусом гамбита
Открыто поле черных слов,
И многое уже убито.

Есть бархат, приласкавший кость,
Есть лезвие, что режет ткани...
Наш поединок, милый гость
Ведется на одном дыханье...

1996

«В старых домах запечатлен...»

В старых домах запечатлен
Каменный мир древних полян.
Перенасыщенный пантеон,
Побеспокоенный океан.

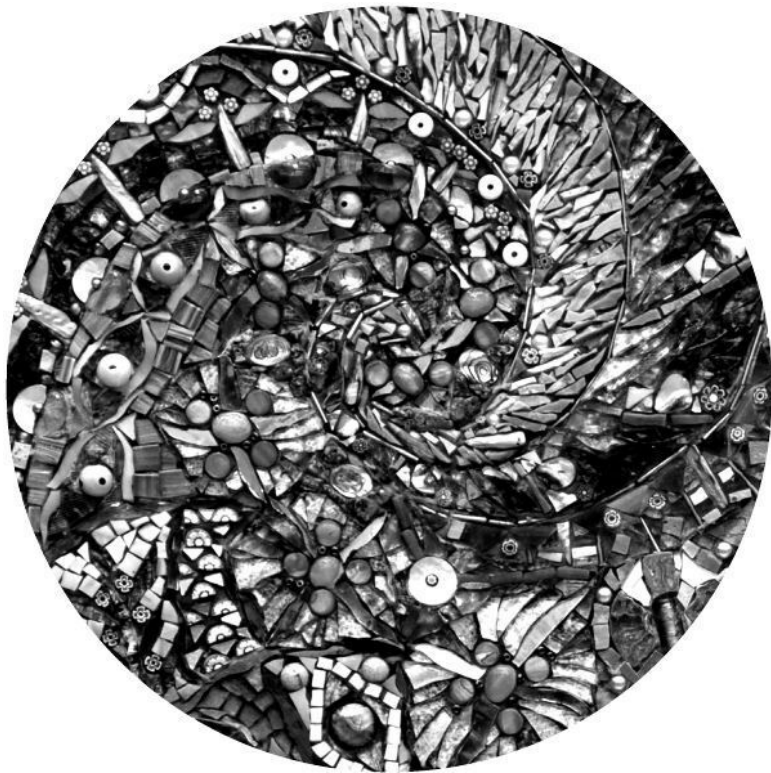
«Аппо...» и в камне рождается свет
Окон, а может, вечерних икон.
Ими, порой, одинокий согрет.
«Аппо...» То колокол, не лексикон.

Боги и звери, это – ваш дом,
Он откровенно о вас говорит...
Лев отдыхающий, нимфа-фантом,
Или же аспид, который не спит.

Сытой русалки чешуйчатый стан,
Мрачной энергии полный грифон.
Иль навсегда обреченный титан,
В очеловеченной силе колонн.

1995

Stella maris

Рига

На темных стеклах парадных
Полустершиеся знаки,
Таинственные обереги?
Руны югендстиля?
Каменные корабли везут бесценный груз —
Витражи с лилиями, звонки в виде львиных голов,
Прохладные лестничные пролеты
С эхом давно исчезнувших голосов.
Паркеты с проступающими годичными кольцами,
Словно раскрытые деревянные веера времени.
Библиотеки с книгами прошлого тысячелетия.
Трельяжи с потускневшими зеркальными крыльями —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.